

И стали они жить-поживать
Не все предсказатели
Одинаково полезны

Светлана Багдерина

4

Царевич Иван, дед Зимарь и студент ВыШиМыШи Агафон не солоно хлебавши возвращаются на Масдае в Атланду после битвы со Змеем-Горынычем. Где теперь искать пропавшую Серафиму, не знают даже армии гадалок, наводняющих столичные улицы. Случайно друзья узнают, что в плену у короля Дуба Третьего томится горный демон, известный точностью предсказаний. Попытка уговорить Дуба разрешить встречу с демоном заканчивается для Ивана и Агафона совсем не так, как они рассчитывали. Впрочем, для Дуба и демона — тоже...

Светлана Багдерина

Не все предсказатели одинаково полезны

*Что у трезвого на
уме, то не вырубишь
топором.*

**Шарлемань
Шестнадцатый**

Проводник — маленький рыжеватый кривоногий человечек с хитро косящими узкими глазами и торчащими во все стороны волосами, что делало его похожим на рябое небритое солнышко с темным прошлым — сочувственно взглянул на приунывшего царевича, не проронившего ни слова с тех пор, как они, собрав остатки шашлыка, взгромоздились на Масдая и отправились в обратный путь — в Атланик-Сити, столицу рудокопов атланов.

— И чего теперь куда? — стараясь звучать скорбно, соответственно ситуации, проговорил он.

— Не знаю... — едва прошевелил губами Иванушка и снова уткнулся лбом в поджатые колени. — Теперь — не знаю...

— А у тебя что — предложения будут? — испытующе прищурился на атлана Агафон.

— Ну, как бы если и подумать, то, может быть, и будут, — уклончиво пожал плечами проводник.

— Так говори, вольный стрелок, не ходи вокруг да около, — очнулся от сытой дремы дед Зимарь. — Как звать-то тебя, сынок? Не обессудь на старика — чегой-то я запомнил. Имя-то уж у тебя больно непривычное.

— Ясенем меня зовут, — несколько обиженно напомнил атлан.

— Ясенем? — переспросил дед. — Это как дерево, что ли?

— Да, — с гордостью подтвердил проводник. — У нас по названиям деревьев сплошь да рядом детей называют.

— А почему именно деревьев? — заинтересовался волшебник.

— Если не секрет, — уточнил старик.

— Я слышал, у северных народов обычай есть детей в честь камней называть и металлов — Диаманда, Эсмеральда, Сильвер, Злата, Булат и так далее, потому что они у них — редкость и драгоценность. А в наших горах редкость и драгоценность — деревья. Да еще всё, что связано с деревом, в том числе и имена, считаются у нас берегами от горных демонов. Вот и весь секрет.

— Я спросил у Ясеня: «Где моя любимая?» — пробормотал, горько усмехнувшись своим мыслям,

Иванушка и снова уткнулся в колени.

— Я говорю, что где любимая твоя, я знать не могу, — многозначительно взглянул на него атлан. — Но вот человечка, который может, я знаю.

— Кто это? — мгновенно очнулся от своих страданий и вскинул голову царевич.

— А вы долго по нашей стране путешествовали, пока меня нашли? — в ответ на уже свои мысли полюбопытствовал вдруг ни к селу ни к городу проводник.

— Нет. Пару дней, не больше, — ответил Агафон.

— Да и то ее толком не видели — от избушки охотничьей к избушке метались, — добавил дед.

— А-а, — с непонятым удовлетворением протянул Ясень. — Значит, порядков наших и обычаев не знаете.

— Нет, — в один голос подтвердили путешественники, и даже Масдай.

— Тогда я вам расскажу. Есть у меня одна женщина знакомая, которая гадать может. Если я ее попрошу, то она вам что хотите расскажет.

— Так что ж ты раньше-то молчал?! — воскликнул Зимарь.

— А то, — строго взглянул на него проводник, — что гадание у нас под страшным запретом. Если власти пронюхают — в тюрьму загремит не только гадальщик, но и клиент!

Опасное это дело. Кого попало к знакомой гадалке я не поведу. И не уговаривайте.

— Так что ж ты это? Сказал «А» — сказывай и «Бэ»! — потребовал дед Зимарь.

Ясень замялся.

— Ясень, пожалуйста, помоги нам! На тебя вся наша надежда! — взмолился Иванушка.

Проводник вздохнул и развел руками.

— Мы заплатим, — проявил чудеса догадливости волшебник, и проводник мгновенно сдался:

— Только это дорого обойдется.

— А правду она говорит-то хоть, али когда как? — прищурился на проводника испытующе дед Зимарь.

— Истинную правду, — как олицетворение оскорбленной искренности, правдивости и честности прижал руку к сердцу Ясень. — Если гадание не выйдет и вы свою кралю разлюбезную не найдете, возвращайтесь — она вам все вернет, до последней монетки.

Иванушка с робкой надеждой обвел взглядом друзей:

— По-моему, это надежная гарантия?...

— Еще бы, — довольно хмыкнул атлан. — Только у меня еще несколько условий будет.

— Каких?

— Ни про гадание, ни про гадалку — никому

ни слова, ни полслова.

— Могила, — страшным шепотом поклялся за всех Агафон.

— Чего нагадает — никому постороннему не говорить.

— Ясень... пень...

— Сразу, как только она вам погадает, летите из города и не оглядывайтесь.

— Уже летим, — заверил его Масдай.

— И деньги вперед.

Ковер покружил над городом, почти не различимым в рано опустившихся октябрьских сумерках, и ворчливо поинтересовался у проводника:

— Ну что? Узнаешь местность? Куда садиться-то?

— М-м-м... вот туда, — и он ткнул пальцем куда-то вниз и вправо. — Там постоянный двор моей старой знакомицы — Лианы. Она в постояльцах неразборчива, кого попало принимает и вопросов не задает.

— От кого попало слышу! — не замедлил обидеться Агафон.

— По-твоему, мы — «кто попало»? — сердито поддержал его дед Зимарь, готовый к бою за свое и друзей доброе имя.

— Вы — нет, — поспешно качнул лохматой

головой проводник. — А вот он, — он ткнул пальцем в Масдая, — да. Но если вы хотите, чтоб на вас ходил смотреть весь город, как на заезжий зверинец...

— Понятно, — оборвал его волшебник. — А твоя гадалка где обитает?

— Тс-с-с-с!!! Чего кричишь? Чтоб все услышали? — испуганно зашипел Ясень. — Не бойся. Я свои обещания выполняю.

Масдай при тусклом свете фонаря мягко опустился на середину и без того неширокой улицы, прямо у входа на постоялый двор «Гибкая Лиана», архитектурой, или, вернее, отсутствием таковой напоминающий, скорее, дот, и тут же был скатан путешественниками и торопливо внесен внутрь.

Ясень проводил их в комнатку под самой крышей и собирался было уйти, как Иванушка ухватил его за плечо и твердо и многозначительно взглянул ему в глаза.

— Прямо сейчас?... — верно истолковал сразу все значения атлан.

— Еще не поздно, — настойчиво проговорил царевич. — Это же просто осень, поэтому темнеет рано. А на часах в зале и семи не было.

Проводник на мгновение задумался и вздохнул:

— Ну если уж тебе так не терпится...

— НАМ так не терпится, — встал рядом Агафон. — Мы идем вдвоем.

— Втроем, — тут же уточнил дед.

— Нет, спасибо, не надо, — слабо улыбнулся Иванушка. — Отдыхайте, поужинайте внизу... Если гадалка скажет, где искать Серафиму, завтракать нам не придется.

— Тут недалеко, — сообщил Ясень. — Мы недолго.

— Вот видите?

— Ну хорошо... — вздохнув, под голодное ворчание желудка согласился Агафон.

— Если недолго, — поддержал его старик.

— И деньги вперед. Мне. А я с ней обо всем договарюсь.

— Сколько?

— А сколько у вас есть?

Царевич зашарил по карманам, и на свет белый появилась полная пригоршня меди, пара серебряных монет и один золотой — вся их наличность, еще остававшаяся от продажи фамильного перстня Ивана.

— Хватит, — быстро кивнул Ясень и потянулся за деньгами.

— Я тоже думаю, что хватит, — улыбнулся дед Зимарь и проворно вложил в руку Ясеня серебряную монету.

— А остальное?

— А остальное — когда мы по совету уважаемой гадалки девицу разыщем, — старик ласково собрал морщинки в уголках добрых прозрачных глаз.

Проводник покривился, нахмурился, и Иван, не дрогнув под предупреждающим взглядом друзей, добавил еще несколько медяков. Атлан удовлетворенно кивнул:

— Пойдем.

Жилище, оно же офис гадалки, оказалось не очень далеко.

Проводник попросил царевича подождать пару секунд, первым подскочил к дверям приземистого домишки, сложенного из красноватого камня, проворно отодрал что-то от стены и только тогда подал своему подопечному сигнал подходить.

Дверь открыла полная дама лет сорока, с накрашенными черным глазами, губами и ногтями и закутанная в целый ворох цветастых платков с черными же кистями.

— Что привело вас к... — заговорила она грудным голосом, но Ясень быстро приложил к губам палец и втокнул ее внутрь.

— ...к матушке Осине, потомственной гадалке в семидесятом колене? — ничуть не сбитая с толку и ритма, закончила та на ходу.

Ясень зашипел — то ли от досады, то ли на

хозяйку — и стал быстро шептать что-то ей на ухо. Та делала круглые глаза, пожимала плечами, но соглашалась.

— Я хочу найти свою жену, — не обращая внимания на непонятную деятельность вокруг него, поглощенный своей заботой, проговорил Иван и впился отчаянным взглядом в лицо женщины.

— Да, конечно, проходи, вьюноша, садись к столу, — сочувственно колыхнула бюстом гадалка. — Так как, говоришь, зовут твою женушку и когда она пропала?...

Ясень, радостно потирая руки от приятных воспоминаний о дополнительном вознаграждении, пожалованном ему вновь обретшим надежду царевичем, проводил Иванушку до постоянного двора, почтительно распрощался с ним и растворился в темноте, как его и не было.

Ивану хотелось бежать, лететь, кричать, драться со всем Белым Светом сразу — если, конечно, он не вернет разлюбезного друга Серафимушку и не извинится — короче, заниматься чем угодно, кроме продавливания тощей подушки в душевной комнате гостиницы. И он, недолго думая, решил немного прогуляться и спокойно подумать над тем, как лучше проложить маршрут их дальнейших странствий, которые, как твердо пообещала ему гадалка, скоро должны

завершиться победой над тревовым недоброжелателем, нечаянной встречей в казенном доме и неожиданной радостью.

По пути в Вамаяси, если память ему не изменяла, находилось несколько высоких горных гряд, которые проще будет облететь с юга, чем прорываться через высокогорные осенние снегопады и заморозки... Лететь, правда, туда отчаянно долго, но если в конце этого полета его будет ждать Серафима, то дорогу он готов перенести со стойкостью оловянного солдатика. Путь их, если лететь отсюда, будет проходить через семь или восемь стран с населением весьма экзотическим, но к путешественникам дружелюбным. Значит, пополнять запасы можно будет быстро и без проблем. Конечно, чтобы найти в Вамаяси трехглавую синюю скалу с белым, красным и черным за мками, придется поспрашивать аборигенов, но вряд ли у них там на каждом углу такие разноцветные чудеса — должны, поди, знать... Не с первого раза, так со второго или с третьего...

— Постой, молодец, не спеши, — раздался справа вкрадчивый голос, и если бы обладатель этого голоса не ухватил его за край бурки и не развернул лицом к себе, то хоть он кричи, хоть свисти, хоть топай — Иванушка прошел бы мимо и не заметил.

— Вижу я, что одолевает тебя кручина великая, — продолжил голос, и за ним из темноты осенней улицы проявилась старушка, замотанная как тряпичная кукла в цветастые платки с черной бахромой.

— Откуда вы знаете? — выпал из своих грез царевич и нахмурился.

— Деньги... — прошептала старушка, не отрывая цепкого, как репей, взгляда от лица своего улова, и не найдя отклика, гладко продолжила: — тут не при чем... Значит, положение твое при дворе... тоже тебя не волнует. Девушка...

Царевич вздрогнул.

— Да, я сразу тебе сказала, именно девушка — причина твоих страданий, — довольная, поддержала сама себе старушка. — Вот единственная причина твоей заботы. Хочешь, мил человек, погадаю, всю правду скажу? Откажешься — всю жизнь жалеть будешь!

— Но разве у вас гадать не запрещено?!..

— Конечно, нет! — удивилась не меньше его бабулька и чуть не выпустила из рук бурку своей добычи. — Ты что, сам-то не местный, что ли?

— Д-да... — не веря своим глазам и ушам, выдавил Иван. — Н-нет... То есть, д-да...

— Ну пошли тогда, путешественник, — потянула его к двери своего домика гадалка. — Всего за две медных денежки все, что хочешь,

узнаешь.

— За ДВЕ медных денежки?!..

— Ну, хорошо, хорошо. За одну, — быстро пошла на попятную бабка. — Устроит? Кто тебе еще в этом квартале за одну денежку погадает? Береза — шарлатанка, Лжетсуга меньше трех не возьмет, Лещина с внуками водится, ее сейчас нет...

Терять обескураженному, изумленному и встревоженному Иванушке было нечего, и он, как в омут с головой, вошел в низенькие двери, рядом с которыми на квадратной белой доске была едва различимая во тьме надпись: «Матушка Туя, гадалка-предсказалка. Королевская лицензия номер семьсот девяносто два».

Все еще не веря ни одному из своих чувств, во всю глотку заявляющих, что его беззастенчиво облапошили, Иванушка прошелся дальше по улице, заходя ко всем гадалкам, кто догадывался схватить его за край одежды.

Когда через час царевич в расстроенных чувствах повернул обратно к «Гибкой Лиане», он успел стать обладателем еще семи преподробнейших предсказаний. Два из них советовали искать Серафиму в Красной горной стране, одно — в Шатт-аль-Шейхе, одно — в Вондерланде, одно — на севере Узамбара, одно —

на юге, и одно — в Лукоморье. В роли предполагаемых заказчиков похищения выступал целый паноптикум причудливых фигур — от негров, сраженных ее красотой и намеревающихся сделать ее своей *баца-банацу* и до двухголовых кентавров-людоедов, запланировавших принести ее в жертву Великому Баобабу, если он не поторопится.

От таких прорицаний голова шла кругом, а мысли, словно сговорившись, или из опаски нарваться на еще одно головоломное предсказание ценой в один медяк, косяком следовали в одном-единственном направлении.

Как узнать, кто из них говорит правду? И есть ли вообще такая среди всех этих потомственных матушек-ясновидиц и гадалок-болталок?

— ...А этот мерзавец взял с тебя СКОЛЬКО?! — дрожа от ярости, переспросил Агафон.

— Нет, он не просил, я сам добавил еще пять медных денежек, — поспешил заверить его царевич, в глубине души не понимая, как можно так волноваться из-за каких-то денег, когда второй раз за день оборвалась призрачная ниточка, связывающая его с исчезнувшей женой.

Но Агафон доходчиво объяснил ему, что он волнуется не из-за каких-то денег, а конкретно из-за

этих, то есть тех, которые у них были последние, и которым, полети они теперь хоть в Узамбар, хоть в Вамаяси, да хоть обратно в Лукоморье, взяться будет абсолютно неоткуда.

На что Иванушка отвечал, что хотя ему и хочется бежать куда глаза глядят сломя голову, лишь бы не сидеть на месте и что-то делать, но они никуда не полетят, пока твердо не выяснят, куда подевалась его бедная супруга, или хотя бы кто им может об этом поведать со стопроцентной гарантией. И тут безутешному царевичу в голову пришла одна очень умная, как ему отчего-то показалась, мысль.

— А разве волшебников в вашей школе не учат предсказаниям? — задал он вопрос и с радостным ожиданием подтверждения уставился на чародея.

— Ну, учат... В общих чертах... — неохотно выдавил тот и неуклюже соврал, глядя куда-то вбок: — Но я специализировался на других дисциплинах.

— Ну хоть на кофейной гуще, — не поверил и умоляюще заглянул ему в глаза Иванушка. — Хоть на бобах!.. Хоть на картах!.. Ну попробуй, пожалуйста!

— Не ломайся, как девица на выданье, — с упреком попенял чародею дед Зимарь. — Погадай. Глядишь, и получится.

Агафон обреченно поморщился, выудил из рукава свою универсальную шпаргалку и громко и отчетливо произнес над ней: «Гадания».

— Ну, что там написали? — нетерпеливо вытянул шею дед Зимарь.

— Что?... — присоединился к нему Иванушка.

— «Гадание новогоднее. На полу разложить различные предметы — деньги, кольца, драгоценные камни, пьяную вишню, орехи и отпоротые от верхней одежды пуговицы, и пустить в избу петуха», — стал старательно читать чародей.

— Зачем? — захлопал глазами Иван.

— «Если петух склюет первые три предмета и убежит — вас ждет бедный год. Если предпочтет пьяную вишню — утром не ощипывайте петуха, он не мертвый, он пьяный. Если орехи — поспешите его зарезать, всё равно сдохнет. Если пуговицы — к простуде».

— А как это может помочь найти Серафиму? — непонимающе наморщил лоб царевич и вопросительно взглянул на чародея.

Тот смог лишь озадаченно пожать плечами.

— Ты скажи своей бумажке, что нам надо девицу увидеть, — посоветовал дед Зимарь.

Маг повиновался. На пергаменте появились новые строчки.

— «Увидеть девицу. Поставить перед собой

зеркало, по бокам — две свечи. Погасить во всем доме свет. Загадать имя. Перед зеркалом положить все имеющиеся в доме ценности. Говорить ничего не надо — она сама тут же появится».

— И всё?

Агафон перевернул пергамент и развел руками:

— Всё.

— А зеркало зачем?

— Так она в зеркале должна появиться, я так понял, — неуверенно предположил Агафон.

— А деньги зачем?

— Часть древнего и таинственного магического ритуала?

— Хм...

— Приманка?

— Для домушников?

— Для девиц.

Иванушка медленно покачал головой:

— Нет. Серафима на простую кучу денег никогда не пришла бы.

— А на что бы она пришла?

Царевич на минуту задумался, и нерешительно предположил:

— Ну я не знаю... Может, на бананы в шоколаде?

— Бананы?

— В шоколаде?

— Думаешь, они в этой дыре есть?

— А что такое «бананы»? И «шоколад»?

— Не думаю, что они в этой дыре есть...

— Это ее любимое блюдо, — не стал вдаваться в гастрономические подробности Иван.

— Думаю, их в этой дыре нет, — подытожил внутреннюю дискуссию самого с собой волшебник и обвел победным взглядом аудиторию.

— А если по-другому спросить? — пришла в голову деду еще одна мысль. — Я имею в виду, «найти девицу», а не просто «увидеть». Чего тебе на нее смотреть? Найдешь — тогда и насмотришься.

— Найти девицу, — послушно усовершенствовал введенное в поисковую строку маг и тут же воскликнул: — Ага, есть! Читаю: «Чтобы найти девицу, снимите с левой ноги сапог и бросьте за ворота. Куда носком сапог упадет, в той стороне вашу девицу и искать...».

— Хм... — сказал на это дед.

— Хм... — поддержал его Иван.

— Это не я — это она! — оправдываясь, Агафон предъявил свою заветную шпаргалку на всеобщее обозрение. — Я же предупреждал, что предсказания — не наш, магов, профиль! Если вам кого или чего превратить надо, или стихийное бедствие вызвать, или чары наслать, или сражаться со Змеями, каменными скорпионами или

шерстистыми акулами, или еще с какой тварью, или, наконец, просто поколдовать — это работа для нас, истинных волшебников. А для издевательств над петухами и разглядывания цикориевой или желудевой гущи есть гадалки!

— М-да... Похоже, что так... — вздохнул Иванушка и устало опустился на каменную табуретку. — Надо придумать что-нибудь другое.

— Да если бы даже у меня что-то и получилось, как бы мы об этом узнали-то, а, я вас спрашиваю? — воздел руки к неровному желтоватому потолку в потеках Агафон, несмотря на бравурную отповедь, болезненно перенесший свое и пергамента фиаско на поприще подглядывания за неведомым. — Пока всю эту географию не обошли бы и не убедились, что, предположим, именно мое предсказание — истинное, а другие — ерунда? И, к тому же, Вамаяси, предположим, — понятие растяжимое.

— Мы могли бы ходить и спрашивать, не видел ли кто Серафиму из Лукоморья, — предложил дед Зимарь.

— Ты хоть знаешь, сколько там жителей? — покосился на него маг.

— Много?

— Возведи свое «много» в сотую степень.

— Чего?...

— Умножь на сто тысяч и добавь девятьсот

миллионов.

— Столько не бывает, — недоверчиво прищурился старик.

— Это еще заниженная цифра, — угрюмо согласился с Агафоном царевич.

— Ну у меня тогда тоже уже не голова, а пустая колода — ни меду, ни гудения, — виновато поморгав белесыми ресницами, сообщил об отсутствии новых идей дед. — Но зато у меня другое предложение будет. Пойдемте вниз, добры молодцы, поужинаем, да спать уляжемся. Утро вечера мудренее. Вот.

— А разве вы еще не... — поднял на друзей глаза совсем приунывший царевич.

— Нет, мил друг.

— Мы тебя ждали.

— Как же мы без тебя-то за стол сядем?

— Деньги-то все у тебя...

Внизу, в общем зале, свободных столов не было, и им пришлось разделить компанию с двумя атланами, коротающими вечер за пивом, неторопливой беседой и глазением на всех, кто по одежке был похож на иноземца.

— ...А вот те, смотри, смотри — похоже, из царства Костей, — украдкой, из-за своей оловянной кружки, ткнул один толстым корявым пальцем в расположившуюся в дальнем углу парочку.

- Вроде, похоже. Такие куртки у нас не шьют. И платье у женщины не нашенского покроя.
- Наверное, купцы.
- Не-а, купцы тут не остановились бы. Скорее всего, просто так разъезжают.
- Или просто сбежали.
- Или сбежали. У них, говорят, сейчас там такое творится... Сбежишь тут...
- Да уж...
- Не-а, сейчас туда я бы не поехал...
- И я. Да и смотреть там нечего, говорят. Нищета да солдаты страхолюдные.
- Говорят... Кто вернуться сумел.
- Да уж... Гнилые времена.
- А гляди, гляди — вон еще трое идут.
- Это тоже не нашенские, одеты не по-нашему.
- А откуда такие могут, интересно...
- Тс-с-с!..
- Добрый вечер, — подошли к ним приезжие.
- Можно ли к вам, милые люди, присоседиться? Не помешаем ли?
- И вам здравствовать, — оживились атланы. — Присаживайтесь, присаживайтесь. Всегда рады с людьми издалека покалякать.
- Ага, это мы с Шиповником любим, — согласно закивал второй. — А особенно —

рассказы про житье в дальних странах и диковинки заморские. Весь вечер, иной раз, слушать готовы. Кстати, Шиповник — это он, а меня звать Клен. Мы литейщики будем фигурного литья. Мастера. С литейного двора его величества. По чугуну работаем, по меди, по олову. А вы откуда путь держите и куда?

— Из Лукоморья мы, — кратко ответил Иван и представил всю честную компанию.

Глаза литейщиков удивленно вытаращились:

— Аж из самого Лукоморья?!

— Если вы не купцы, так что ж вас занесло в такую-то даль далекую?

— А может, мы купцы? — подозрительно прищурился Агафон. — Вам откуда знать?

— Не-а, брат Агафон. Те, у кого деньжата есть, у Лианы не останавливаются.

— Это вы верно подметили, — вздохнул маг.

— А чего вас, любезных, в такую даль-то занесло? — любопытный Шиповник дружелюбно улыбнулся и заглянул в лицо деду Зимарю, как самому разговорчивому.

— А это мы пропавшую супружницу нашего Ивана ищем. Вот сказали нам, что у вас тут самые наилучшие гадалки...

Договорить ему атланы не дали, громко, неприлично и, судя по всему, произвольно, заржав.

— Это кто ж вам такое сказал-то? — давясь от смеха, в конце концов, сумел выговорить Клен.

— Плюньте ему в его бесстыжие глаза, — поддержал его Шиповник и, не удержавшись, снова прыснул в кружку.

— Если найдем — так и сделаем, — мрачно пообещал маг. — И еще многое другое.

— Значит, это правда, и все эти разговоры о ваших предсказателях, которые твое прошлое и будущее насквозь видят — пустые? — окончательно поник Иванушка.

— Ну, в общем-то, да, — признал Шиповник.

— Зря вы сюда ехали, если только из-за этого, — кивнул Клен. — Вы уж извините нас за такое веселье... Просто в наших краях этих чокнутых бормоталок давно уже никто всерьез не принимает.

— Шарлатан на шарлатане сидит...

— ...и шарлатаном погоняет.

— На пропавшую козу погадать или парню на девчонку — на это их еще хватает...

— Иногда...

— А на что серьезное...

— Если бы люди должны были знать свое будущее, они бы его знали, — философски подытожил Клен и пожал туго затянутыми в синюю кожаную куртку плечами.

— Значит, совсем никто в вашем

королевстве...

— Ну почему же никто, — хмыкнул Шиповник и отхлебнул из кружки.

— Мы этого не говорили, — продолжил его мысль Клен и воровато оглянулся — не слышат ли их люди за другими столами.

— Что вы сказ... то есть не говорили? — мгновенно вскинул голову Иванушка.

— Тс-с-с-с!.. — закосил по сторонам и без того не слишком прямосмотрящими глазами Шиповник.

— Тс-с-с-с!.. — подержал его Клен.

Путешественники, подавшись всеобщей тревоге, тоже закрутили головами, но, похоже, кроме голодной кошки под скамьей, их скромные персоны никого не заинтересовали.

— Так что вы говорили насчет того, что не говорили? — внимательно прищурился на крепышей-литейщиков дед Зимарь.

— Да так... Ничего... — замялся Клен.

— Это — государственная тайна, — одними губами прошептал Шиповник.

— Пожалуйста! Нам это очень важно! Мы никому не скажем, что узнали это от вас! — умоляюще прижал стиснутые руки к груди царевич.

— Не скажем, — подтвердил Агафон.

— Не-а, — затряс головой Шиповник. — И не уговаривайте. Нам этого вообще знать не положено,

а вам — подавно.

— Меньше знаешь — дольше живешь, — очередным изречением отделался Клен и отвернулся, давая понять, что разговор на эту тему окончен.

Иван с Агафоном начали приподниматься со своих мест — первый чтобы уговаривать, второй — чтобы рвать и метать, но оба почувствовали на плечах руки старика и нехотя опустили обратно.

— Да не обращайтесь на них внимания, сыночки, — хихикнул дед Зимарь и махнул на атланов тощей, как куричья лапка, ручкой. — Знаю я таких молодцов. Видал, не раз. Им впустую похвалиться — что тебе воды напиться. Они чего угодно наговорят, лишь бы себе важности придать. Напридумывают с три короба и сидят, надув щеки, как будто кум королю или сват министру. Сам поет, сам слушает, сам и хвалит. А того не ведают, что смотреть на их потуги смешно нормальному человеку...

— Это кто напридумывал?! — возмутился один.

— Это кто наговорил?! — обиделся другой.

— Это кто впустую хвалится?!

— Да у нас сестра во дворце служит второй кухаркой!

— И врать нам не станет!

— И если она говорит, что у Дуба Третьего

есть пленный горный демон, который...

— Тс-с-с-с!..

— ОЙ.

Братья, не сговариваясь и не допивая пиво, торопливо поднялись. Не прощаясь и не обронив более иноземцам ни слова, ни взгляда, они оставили по медяку в луже хмельного напитка на столе и выскочили на улицу, словно их преследовали все горные демоны, вместе взятые.

Друзья переглянулись.

— Ты им веришь? — шепотом спросил Агафон.

— Да, — решительно поднялся на ноги и царевич.

— Ты куда?

— Во дворец.

— Сядь, Иванушка, милоч, сядь, на нас люди коситься начали.

— Извините, — пробормотал Иван и снова опустился на скамью, но намерений своих не оставил.

— И что ты им во дворце скажешь? — скептически поинтересовался чародей.

— Я попрошу аудиенции у короля и все ему расскажу, как есть. И буду умолять, чтобы он разрешил мне, или сам спросил, у своего духа...

— Демона, — подсказал дед.

— Да, демона... Так вот, чтобы он спросил,

где нам искать Серафиму.

— Так ведь его дух...

— Демон, — подсказал дед.

— Да, демон... Это государственная тайна! — прошипел Агафон, раздраженный недогадливостью лукоморца. — Никто об этом знать не должен! Тем более, ты, приезжий!

— Ну и что! На карте стоит жизнь Серафимы, и мне безразличны их тайны, если они мешают мне...

— Но король, наверное, уже спит!

— Агафон. Нормальные короли в это время только просыпаются, — холодно ответил Иванушка, встал, поставил под стол тарелку с недоеденным ужином — пусть у облезлого одноухого кота цвета свежеперекопанного газона сегодня будет праздник, после вечерних событий кусок все равно в горло не лез — и перешагнул через скамейку.

— Короче, не отговаривайте меня, — решительно заявил он, запахивая поплотнее лохматую пастушью бурку, которую так и не довелось ему пока снять. — Я иду немедленно.

И, не дожидаясь реакции друзей, чуть не бегом выскочил из зала в ночь.

— Мы с тобой! погоди!.. — кряхтя, начал подниматься дед Зимарь, но Агафон опередил его.

— Ты, старик, сиди тут, Масдая карауль. Он

сейчас так рванул — ты все одно не догонишь. А вот я попробую. И никуда не уходи, слышишь?... Еще не доставало — тебя по всему городу искать!..

И, запахивая на ходу от ночной сырости и холода свою бурку, галопом вылетел на улицу.

— ...Ты... кто-кто-кто?!

— Я — сын лукоморского царя Симеона Иван!

— Га-га-га-га-га-га!!!..

— А я — дедушка вамаяссьского мандарина!

— Га-га-га-га-га-га!!!..

— А я — внук бхайпурского раджи!

— Га-га-га-га-га-га!!!..

— А я — тетя вондерландской королевы!

— Га-га-га-га-га-га!!!..

— У нее нет тети.

— Есть тетя, нет тети — ты чего, за идиотов нас тут принимаешь? — перестал внезапно ржать — как выключился — и свирепо рывкнул на Иванушку начальник караула на главных воротах. — Если мы будем пускать к его величеству всех чокнутых пастухов, рудокопов, кузнецов, охотников — или кто ты там еще — кому заблагорассудится заглянуть сюда на огонек, то это будет не дворец, а сумасшедший дом!

— Ты на себя посмотри! — ткнул пальцем в его сторону смуглый стражник с висячими

усаами. — Племянник он лукоморского царя!

— Сын!

— Чучело ты огородное!

— Где ты видел сына царя в таком тряпье!..

— Без свиты!..

— Без коня!..

— Без драгоценных украшений или доспехов!

— Слушай, парень, иди отсюда, пока мы тебя отпускаем, — посоветовал ему второй караульный, похожий на толстого добродушного моржа. — Если хоть сколько-нибудь мозгов у тебя осталось, не серди господина начальника караула.

— Но я должен поговорить с королем!.. — сердито сжав кулаки, рванулся напролом Иванушка.

— Тебе сказали — пошел вон.

Пять пик разом уперлось ему в грудь, и он отступил.

Ссутулив плечи, чуть не плача от злости и бессилия, Иван медленным шагом направился прочь от ворот, в полутемную боковую аллею, ведущую вдоль стены дворца, по которой он сюда и пришел.

— Иди, иди, проспись, вьюноша, утром спасибо нам скажешь, — бросил совет ему в спину морж, но царевич даже не оглянулся.

За высоченной беломраморной оградой дворца где-то далеко, со всех концов сада, звучала

разноголосая музыка, доносился смех и веселые выкрики счастливцев, прошедших фейс-контроль, а черное небо то и дело озарялось вспышками рассыпающихся звезды фейерверков. Праздник жизни проходил мимо, не задерживаясь и не оглядываясь, но праздники с недавних пор его интересовали мало. Самое главное, мимо проплывал тот самый легендарный и таинственный горный демон, способный сообщить бедному Иванушке, где пропадает-томится его милая.

Что милая сделала бы сейчас на его месте?

Бросилась на штурм ворот с криком разрезаемого на части вамаяссьского кикабидзе?... или кикнадзе?... нет, камикадзе... Или потратила бы последние деньги на то, чтобы набрать в лавках шелка, парчи, золота и мехов, чтобы сойти за настоящую царскую дочку?

Но лавки сейчас не работают...

Тогда ей бы и тратиться не пришлось, усмехнулся помимо воли Иванушка. А тех денег, что у меня сейчас есть, все равно хватит, в лучшем случае, на новые сапоги...

Перелезла бы через забор?

На такую гладкую стену, в которую можно глядеться, как в зеркало, не вскарабкалась бы даже она. Тем более, что наверху ее поджидали бы метровые чугунные пики...

Сдалась бы?

Ха.

Что тогда? Что еще? Что? Что? Что?!..

Иванушка остановился, сжал отчаянно холодными руками разгоряченную голову и от отчаяния несколько раз боднул ни в чем не повинный чугунный фонарный столб, увенчанный разбитым фонарем.

Это принесло неожиданный результат. В голову пришла идея, простая и ясная, как удар оглоблей.

Меч. У него же есть чудесный меч! Надо прорубить проход где-нибудь в тихой части сада, и тогда...

Здравый смысл не успел подсказать ему, что в этом случае он будет во дворце вне закона; что найти что-то, тщательно скрываемое в хорошо охраняемом месте, не будучи невидимкой, невозможно; что царскому сыну негоже тайком, подобно вору, пробираться в чужие палаты; что в случае чего можно поплатиться не только добрым именем, но и жизнью...

Но, может, оно и к лучшему. Кто бы сейчас стал его слушать? Тем более что по гулкому булыжнику темной аллеи разнеслись торопливые шаги, спешащие в его направлении.

Царевич решил не дожидаться, пока запоздалый прохожий поравняется с ним, и проворно нырнул в кусты.

— Иван! Иван! Постой! Это я!..

Иван вынырнул, удивленный.

— Как ты меня нашел, Агафон?

— Не тебя... Парадные ворота дворца... — прохрипел, судорожно глотая воздух, запыхавшийся от бега, то и дело переходящего на быстрый бег, чародей. — Десять человек по дороге успел опросить... То, что я заметил тут тебя и окликнул — это мне просто повезло...

— А-а... — слегка разочарованно протянул царевич. — А я думал, ты использовал какое-нибудь заклинание, чтобы выследить меня...

— Хотел... но некогда было... дорогу спрашивал... поди найди посреди ночи на улице прохожих...

— Ну, в другой раз обязательно используешь, — великодушно предположил Иванушка и приготовился снова нырять в кусты.

— Да постой же ты!.. — взмолился чародей, но было поздно, и пришлось ему повторять маневр царевича, чтобы быть рядом с ним.

— Постой, Иван, — успел он ухватить его за рукав. — Ты был у ворот?

— Был, — снова помрачнел Иванушка при воспоминании о своем недавнем поражении.

— И что?...

На языке сразу завертелось с десятков ядовитых ответов, вроде «Не видишь, что ли — я

уже во дворце», но он сознавал, что Агафон, при всей своей тактичности падающего кирпича, не был виноват в его злключениях, и поэтому язык прикусил. Да так, что ойкнул.

— Ты чего? — встревоженно заглянул ему в лицо маг.

— Ничего. Все нормально. Я там был, мне сказали... Долго перечислять, что мне сказали, но, короче, меня не пустили.

— И что теперь ты собираешься делать?

— Пойти другим путем.

— Это как?

— Сейчас об...

— ЭЙ, ВЫ, ДВОЕ!

Друзья замерли.

— Мы вам, вам говорим! — донесся до них грубый простуженный голос с дорожки аллеи. — Ну-ка всё бросили, карманы вывернули, живо!

Закипающий от столь бесцеремонного обращения по такому не относящемуся к их срочному делу вопросу, Иван двинулся к живой изгороди, отгораживающей их от хозяина голоса, чтобы разобраться, но его опередили.

— У нас ничего нет!

— Совсем ничего!

— Мы бедные!

— А вот сейчас и убедимся!

— Дай им, Граб, наподдай!

— Все они бедные!

— Ай!..

С дорожки донеслась какофония из звуков ударов, падающих предметов, разрываемой ткани, охов и уханья, и Иванушка, больше не раздумывая и не прислушиваясь, выхватил меч, одним взмахом выкосил проход перед собой и бросился на самую авансцену театра боевых действий.

— Явор, держи их!..

— Стой, куда пополз!

— Ой!..

— Оставьте их в покое, негодяи!!! — гневно выкрикнул царевич и встал лицом к лицу с нападавшими.

— Проваливай отсюда, пока цел!

— Герой нашелся!

— Придурок...

— Я требую отдать этим людям то, что вы у них взяли, извиниться и передать себя в руки городской страже, — сурово объявил свой приговор грабителям царевич и для убедительности осторожно, чтобы никого нечаянно не задеть, махнул мечом.

— Подпасок, стибривший у прохожего ножичек! — заржал тот, кого называли Грабом, позабыв о своих предыдущих жертвах.

— За какой конец-то его держать, знаешь? — присоединился к нему второй.

— А вот мы его сейчас научим, Сухостой, — двинулся к нему третий, и в руках при слабом свете далеких фонарей сверкнул длинный кинжал.

— Стойте на месте! Не подходите ко мне! — испуганно выкрикнул Иванушка,¹ но это только развеселило бандитов.

— Мальчик зовет мамочку!

— Уа-уа-уа-уа! — проскрипел противным голосом грабитель с кинжалом и сделал медленный, издевательский выпад в сторону Ивана.

И внезапно понял, что с этого мгновения он — грабитель без кинжала. Потому что тем, что осталось торчать из рукоятки, не удалось бы очинить даже перо. Срез прославленного шатт-аль-шейхского клинка был сделан наискось, чисто, и теперь едва поблескивал в полумраке, как крошечное зеркало странной формы.

— Он мне кинжал сломал! — проворно отскочил назад грабитель и взгляд его в поисках поддержки заметался с одного сообщника на другого.

— Этот дурак?...

¹ Махать мечом, НАДЕЯСЬ кого-нибудь зацепить и проделывать то же самое, ЗНАЯ, что неосторожным движением можно перерубить человека пополам, для Ивана было не одно и то же.

— Твой знаменитый клинок?...

— Ну, он нам надоел!..

— Мой кинжал?...

— Дурак!!!

— Кто дурак?...

— ОБА!!! — взревел разбойник и, выставив вперед короткий меч, ринулся на обидчика.

Звон стали о сталь, звон стали о мостовую...

И тишина.

Иванушка сделал шаг вперед, нежно, почти невесомо повел мечом перед собой — и клинок третьего грабителя без сожалений расстался со своей рукояткой и устремился к брусчатке.

Повисшим молчанием можно было забивать гвозди.

— Пожалуйста, отдайте этим людям... — царевич отвел на секунду глаза в поисках жертв ограбления, и этого оказалось достаточно для бандитов, чтобы они, как по команде, развернулись и бросились бежать.

— Эй, эй, постойте! — сделал в их направлении несколько шагов Иван, но его выкрик, похоже, оказал магическое воздействие на ноги убегающих грабителей — пятки замелькали с удвоенной частотой, и топот скоро смолк.

— Неудачная у тебя вышла спасательная операция, царевич, — вздохнул, выбираясь из кустов Агафон.

— Это почему? — непонимающе захлопал глазами Иванушка. — Бандиты ведь сбежали.

— Так и подзащитные — тоже! Вон, добро свое побросали и деру дали, пока ты там с этими паршивцами развлекался.

Иванушка, собиравшийся было спросить, не видел ли чародей, куда убежали те, на кого грабители напали, осекся и непонимающе уставился на друга.

— Развлекался?...

— Ну да. Чего ты перед ними иначе с мечом вытанцовывал?

— А если бы я вдруг кого-нибудь убил?

— Полгорода сказало бы тебе «спасибо»!

— Но... но они ведь все равно люди!

— ИВАНУШКА!!! КАКИЕ ОНИ ЛЮДИ!!!

ОНИ ГРАБИТЕЛИ!!! — вытаращил и одновременно страшно закатил глаза волшебник и воздел руки к темно-синему, в точечках звезд, небу, взывая к невидимому третейскому судье.

— Но ведь не убийцы!

— Царевич, я не понимаю твоей логики. По-твоему, в наказание за убийства убийц надо убивать?

— Н-ну да.

— А грабителей за грабеж — грабить? Мошенников — обжуливать? Хулиганов — обзывать?

— Нет, я не это имел в виду, но я знаю, что я прав!.. — экспрессивно взмахнул руками, уже не надеясь объяснить своё мировоззрение, царевич, и Агафон едва успел отпрыгнуть от просвистевшего в нескольких сантиметрах ото лба черно-синего клинка.

— Т-так бы с-разу и с-сказал, — к искреннему удивлению Ивана, тут же согласился с ним чародей.²

— В конце концов, — склонил на бок голову и хитро прищурился Иванушка, вкладывая меч в ножны, — ты же мог из-за кустов спокойно прицелиться и превратить их в статуи, или в тараканов, или вспомнить еще какое-нибудь неприятное заклинание. Что же ты не вмешался, если считал, что с ними надо было расправиться по-другому?

— Я... боялся тебя задеть, — сделал неопределенный жест рукой зажатый в угол Агафон, вынужденный признать свое несоответствие заявленному уровню кровожадности, и поспешил перевести разговор на другую тему:

² Еще раз, тем самым, подтвердив старую мудрость, что добрым словом и мечом можно убедить гораздо быстрее, чем одним добрым словом.

— Смотри-ка, интересно, кто были эти ребята, на которых они напали?

Иван наклонился, чтобы получше рассмотреть брошенные сбежавшими предметы, но это не помогло.

Если бы в хоккей играли великаны клюшками из загнутых бейсбольных бит, то перед ними на мостовой лежала бы такая клюшка, завернутая в плотную непромокаемую ткань. А рядом с ней такая же, но раза в три поменьше, и тоже спеленатая в промасленную мешковину, как непослушный ребенок.

— Что бы это могло быть? — задумчиво проговорил Агафон, переворачивая сверток с боку на бок в поисках узелка на обматывающей его веревочке.

— Что бы это ни было, мы должны вернуть это хозяевам в таком виде, в каком нашли, — недвусмысленным намеком твердо пресек его попытки развернуть странный предмет царевич.

— И где мы теперь найдем этих хозяев? — оторвался от загадочной находки и уставился на него вопрошающе чародей.

— Н-ну... Может, они убежали к парадным воротам — там ведь кругом светло и стоит стража. Наверняка они попросили их защитить!

— Тогда стражники были бы уже здесь, — резонно заметил Агафон.

— Или они просто стоят и ждут у входа в аллею, не решаясь ступить в темноту, — высказал другое предположение Иван.

— И что?

— Давай вынесем им их имущество, покончим с этим и продолжим наше дело. Если ты, конечно, не передумал.

— Тоже мне бюро находок нашли! — недовольно хмыкнул волшебник, но противиться не стал и узел развязывать прекратил.

Иван взял «ключку» побольше, волшебник — ту, что осталась, и они поспешили к воротам.

У ворот, на ярко освещенном пяточке перед въездом, никого не было.

То есть никого, кроме...

— А вот и они!

— Да сколько можно вас ждать!

Небольшая, но шумная толпа громкоголосых людей в таких же мохнатых бурках, как у них, мгновенно окружила их и наперебой сердито загомонила:

— Думают, если их наняли за такие деньжищи в последнюю минуту, так мы без них и обойтись теперь не сможем?!

— Так один же солист, куда мы без него...

— И втора у нас одна...

— Все равно совесть иметь надо!

— Проспали вы, что ли?

— Еще чуть-чуть и мы могли бы вообще убраться на все четыре стороны!

— И отдавать аванс!

— Который кое-кто уже потратил, между прочим!

— Что?...

— Кто?...

— Быстрее-быстрее-быстрее!!!..

С десятков нетерпеливых рук подхватили их, развернули и, невзирая на протесты и личности, повлекли к воротам.

— Но мы...

— Хватит оправдываться, бесстыжие!

— Вы не поняли, мы не...

— Не отвертитесь! Раньше надо было думать, а не когда деньги взяли!

— Ну что, дождались своих прогульщиков? — ворчливо спросил караульный, выглядывая из окошка.

— Дождались, дождались, господин стражник!

— Пропускайте нас скорей! Мы должны начинать уже через десять минут!

— Теперь точно все? Десять человек?

— Все, все, господин стражник! Полный состав!

Музыканты, споро разобрав свои инструменты, сложенные у самой караульной будки

— по форме такие же, как у искателей королевской аудиенции, но раз в десять меньше и ва нова — нетерпеливо сгрудились у калитки.

— Кедр, иди с ними, покажи музыкантам, где Звездная площадка — они там будут играть.

— Слушаюсь, господин начальник караула! — вытянулся и щелкнул каблуками длинный стражник.

— И помните, ребяташки: такой шанс не всем выпадает — сыграть на королевском дне рождения! Его величество захотел сделать своему деду на столетие сюрприз в вашем лице, чтобы тот вспомнил свою пастушескую молодость. Если старику понравится — король осыплет вас деньгами, глазом не моргнет. А если нет — лично шкуру спустит. Пока, говорят, ему еще ничего по нраву не пришлось, и его величество ходит как туча, так что вы уж постарайтесь, — сказал по-отечески напутственное слово старый капрал и похлопал по плечу старшего.

— Постараемся, господин начальник караула!

— Специально самого лучшего солиста со стороны наняли и втору — такие деньжищи раз в жизни приходят, не выпускать же из рук!

— Ну, кончай болтать!

— Бегом, бегом!..

— Но я... — не оставлял попыток прояснить истинное состояние вещей Иванушка, но Агафон,

которому, как видно, пришла в голову другая идея, получше, вдруг быстро сунул губы в Ииваново ухо и горячо зашептал:

— Тише! Мы с музыкантами пройдем, а там улизнем и отыщем короля!

— Но мы же...

— По-другому тебя никто не пустит, пойми же ты!..

И царевич, вздохнув, понял.

— Только мы перед ними потом извинимся, что так получилось...

— Куда без этого! — фыркнул чародей.

Иванушка принял его издевку за согласие и кивнул.

Ворота перед оркестром распахнулись, музыканты ухватили покрепче свои инструменты и нашедшихся в последнюю минуту солиста и втору и припустили чуть не вприпрыжку сначала по дороге, а потом — по дорожкам между клумб и газонов вслед за размашисто шагающим долговязым стражником. Метров через десять к ним присоединились еще двое.

— Агафон! — шепнул Иван, скосив глаза в сторону волшебника.

— Что? Бежим?

— Нет, куда тут! Они с нас глаз не спускают! Я просто хотел тебя спросить, что такое «втора»?

— Втора? Это субстанция такая

алхимическая. Из одной группы с хлорой, бромой, йодой и астатой. Мы проходили. А что?

— Они, — царевич украдкой кивнул в сторону музыкантов, — что-то про нее говорили. Что она у них одна. О чем это они?

— Не знаю, — маг пожал плечом, начинавшим неметь под весом трубы. — Послышалось, наверное...

— Агафон! — не прошли они и трех метров, как Иванушка снова обратился к другу нервным шепотом.

— Что? Бежим?

— Да нет... Пока что-то у нас не бежится... Стража на нас так таращится, словно на нас что-то написано...

— Неприличное, — добавил про себя маг.

— Я спрашиваю, ты когда-нибудь играл на трубе?

— Это не труба, а горный рог, я слышал, что стражники его так называли, когда мы уже проходили, — уточнил чародей.

— Замечательно, — кивнул царевич. — Ты когда-нибудь играл на горном роге?

— Нет, — мотнул головой тот. — Но я видел, как у нас в деревне Степка-пастух играл на своей дудочке. У него точно такая же, только раз в тридцать меньше, прямая, как палка, и с дырочками. Не думаю, что это особенно сложно.

Принцип-то ведь одинаковый. Дуй сильнее да на дырки нажимай.

— И всё? — недоверчиво уточнил Иван, и на озабоченном лице его, как демоны сомнения, заплясали отблески разноцветных фейерверков.

— Да откуда я-то знаю? — вытаращил глаза маг. — И какая тебе разница? Ты что, играть на нем собрался?

— Да нет...

— И чего они на нас так смотрят... Слушай, может, они тебя уже видели, когда ты в первый раз зайти пытался?

— Нет, я тех запомнил, а эти незнакомые. Караул, кажется, сменился.

— Повезло... И с этими дударями повезло, как по маслу прокатило. Ловко ты сориентировался, — кинул Агафон быстрый довольный взгляд на царевича и был удивлен, увидев его страдальческую гримасу:

— А все же нехорошо как-то все получилось, а, Агафон!.. Они должны были дождаться настоящих музыкантов! Из них ведь один солист! Что они будут делать без него?

— Какое твое дело? Ты должен найти короля и успеть сказать ему хоть пару слов перед тем, как тебя, а вместе с тобой и меня бросят в тюрьму!

— Ты прав... Но все равно по-глупому вышло... Надо было прорубать ограду...

— Вернись, — посоветовал маг и, не дожидаясь ответа, уточнил: — Так когда мы все-таки бежим? По твоему сигналу?

Иван кивнул.

— Сразу, как только они отворачиваются — ну отвернутся же они хоть когда-нибудь! — мы незаметно...

Где-то невдалеке грохнуло, ухнуло, стукнуло, затрещало, и по черному небу рассыпались радужные звезды ослепительных фейерверков. Завизжали вдалеке довольные дамы, заплодировали мужчины, музыканты, не останавливаясь, задрали головы и заулыбались.

— Бежим! — прошипел чародей, но тут же натолкнулся взглядом на пресытившегося подобными развлечениями Кедре и парочку его бдительных сослуживцев, искоса разглядывающих их причудливые инструменты, и поспешил опустить глаза.

— К-кабуч-ча... Это они не на нас, а на эти дудки смотрят, оказывается!..

— Может, мы их бросим и дадим им возможность рассмотреть их получше, пока мы все-таки отсюда...

— Ну наконец-то!

— Вот и они!

— Прибыли!

— Быстрее становитесь на горы!

— Куда?...

— Туда!!!

Друзья окинули отчаянным взглядом то место, в которое ткнул жезлом разряженный, как клоун на именинах, главный распорядитель, встретивший их в конечном пункте их следования.

Перед ними расстилалась обширная платформа из серого с искрами камня, с двух сторон огороженная резной мраморной балюстрадой. С одного конца на ней сгрудились мягкие, обтянутые тонкой белой кожей кресла. С другого — величественно возвышались метров на пять красные скалы из настоящего камня, которого они достаточно навидались за время своего тура по окрестным горам. В нескольких местах на крутых склонах были прибиты чучела баранов со стеклянными глазами и плотоядно раскрытыми алыми ртами.

— Располагайтесь, быстро, быстро! — распорядитель зашипел на них рассерженным гусем. — Там сзади лестницы, восемь площадок, по одной на музыканта!

Иванушка хотел указать сухопарому измученному человечку на явное несоответствие количества музыкантов и количества площадок и благородно предложить постоять в стороне, пока их товарищи будут зарабатывать сказочный гонорар своим искусством, но волшебник уже тянул его за